

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

И. Ю. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2023 г.

Аннотация: *представление о времени в социальной философии неразрывно связано с социальными процессами и способами взаимодействия людей с миром. В постсовременном обществе ускорение ритма человеческой жизни и темпа социальных преобразований влияет на восприятие времени. Сокращается разрыв между прошлым и настоящим, значимым становится «личное время», связанное с персонализацией повседневности и десинхронизацией коллективных форм взаимодействия. В контексте данных изменений необходимым является анализ феноменов вневременности, мгновенного времени, ретро.*

Ключевые слова: *темпоральность, постсовременность, виртуальная реальность, мгновенное время, личное время, асинхронность.*

Abstract: *the concept of time in social philosophy is inextricably linked with social processes and ways of people's interaction with the world. In a postmodern society, the acceleration of the rhythm of human life and the pace of social transformation affects the perception of time. The gap between the past and the present is narrowing, the «personal time» associated with the personalization of everyday life and the desynchronization of collective forms of interaction becomes significant. In the context of these changes, it is necessary to analyze the phenomena of timelessness, instantaneous time, retro.*

Key words: *temporality, postmodernity, virtual reality, instantaneous time, personal time, asynchrony.*

В социальной философии категория времени играет важную роль при осмыслении действий человека и группы, вписанных в определенное пространственно-временное измерение (хронотоп) [1]. Социальное время (это понятие было введено Р. Мертоном и П. Сорокиным) связано с социальными действиями и процессами, наблюдаемыми в обществе, и обусловлено формами взаимодействия людей друг с другом и с окружающим миром. Социальное время отражает изменения в обществе и их восприятие индивидами. Включенность процессов в социальное время напрямую зависит от наделения их социальным смыслом, придания значимости участниками социального пространства, незначительные с точки зрения общественного сознания действия не вписываются во временные рамки социума и не остаются в памяти людей. То есть социальное время «отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки» [2, с. 114].

При анализе повседневности социальное время воспринимается нами исключительно как «время, когда нечто произошло». Именно поэтому для осмысления времени необходимыми являются синхронизация событий с общественными практиками, рутинизация действий индивидов (закрепление в социаль-

ном пространстве через повторение в определенные временные отрезки) и дифференциация временного потока посредством значимых для человека событий.

В постсовременном обществе в связи с масштабными изменениями социального пространства расширяются возможности обращения со временем. В связи с этим возникает вопрос: каковы особенности восприятия времени в современных условиях и как меняется социальное поведение в новых временных рамках? Для ответа на эти вопросы необходимо указать на то, что изменение ритма социальной жизни связано с тем, что время переживается через процесс получения и передачи информации, который приобретает мгновенный характер и влияет на когнитивные способности человека. Подобная скорость передачи информации не соответствует прежнему опыту человека. Приспосабливаясь, мы сокращаем время восприятия информации, довольствуясь быстрой сменой аудиального и визуального ряда, выхватывая из него нужные порции информации. Новое жизненное пространство человека наполняется новыми формами социальной жизни, связанными с гибким графиком, модульным восприятием окружающего мира, постоянными изменениями в способах воздействия на этот мир, трансформацией прежних форм социального взаимодействия. Социальное время ускоряется в ответ на интенсификацию протекающих в его рамках социальных процессов, которые теперь должны за-

нимать гораздо меньше времени, чем прежде. Вследствие таких изменений возникает феномен «мгновенной повседневности» [3, с. 183], для которой характерны: уменьшение времени существования товаров, ставшая «сиюминутной» мода на вещи и стили, гибкость технологий и образов существования, включая график работы и отдыха. Ускорение и сжатие времени в информационном обществе связывают с тем, что время становится важным производственным ресурсом, экономия которого предполагает необходимость максимальной продуктивности человеческой деятельности в течение рабочего дня.

Акцент на восприятие времени как ценного ресурса, как считал М. Вебер, является характерной особенностью протестантской этики, повлиявшей на развитие капитализма. Действительно, понимание греховности беспечного отношения ко времени усилило стремление наполнить свой день максимальным количеством полезной деятельности. Поскольку каждая минута человеческой жизни должна быть ориентирована на полезный труд, реализацию своего призвания, то критерием продуктивности становится количество значимых для меня событий в минимальный промежуток времени. Последнее особенно ярко проявляется в модном сегодня понятии *over performance* («завышенная производительность»). Индивид ориентирует себя на эффективное использование времени и многозадачность.

Подобная гонка за успехом в трудовой деятельности и, как следствие, в стремлении к самореализации инициирована установкой капитализма на экономию времени и максимально эффективное его использование. В личном восприятии индивида время становится ресурсом, приходящим на смену такому источнику внутреннего резерва человека, как жизненные силы. Способности, интеллект и прочие ресурсы важны только в аспекте возможности совмещения в практической деятельности разных ее видов. Ориентируясь на формулу «время-деньги», индивид старается, приложив максимум усилий к большему числу проектов, уместить разноплановые события в минимальный отрезок времени. Идея завышенной производительности отмечается многими современными исследователями, Люббе, например, говорит о феномене самоэксплуатации [4, с. 374]. Последняя включает в поведенческие паттерны субъекта, который свою жизнь начинает воспринимать как имеющую ценность только в контексте бесконечной занятости и непрерывно сменяющихся друг друга видов деятельности.

Факт повышенного внимания к сверх-событийности своей повседневности, на наш взгляд, связан с попыткой определить наличие значимых событий ценность своей жизни, отождествив количественный фактор продуктивности деятельности с осмысленностью существования.

Действительно, человек является наиболее адаптивным существом во Вселенной, которое в стремлении приспособиться к высокотехнологичной цивилизации и изменившимся условиям пытается достичь корреляции темпа своей жизни с темпом информационных процессов и социальных трансформаций. Что объективно невозможно. В результате ориентация на многозадачность в практической деятельности оборачивается субъективным дефицитом времени: человек всё время пребывает в движении, стремясь всё успеть и не имея возможности остановиться.

Интересно воздействие общества на индивидов посредством установления новых временных рамок существования. В данном случае уместно будет вспомнить М. Фуко, который одним из способов воздействия дисциплинарного общества на людей считал манипуляции со временем. Однако если прежде мы имели жесткое темпоральное структурирование повседневности рабочего через установление режима работы/отдыха, то сегодня, казалось бы, предоставляется максимальная свобода распоряжения своим временем. Гибкий график, дистанционный формат работы, фриланс и прочие характеристики современной профессиональной занятости создают иллюзию независимости индивида от дисциплинарной власти. Но при более близком рассмотрении биополитическое регулирование становится очевидным. Если мы обратимся к практикам видеонаблюдения за контролем рабочего времени, использованием по назначению лимитированных перерывов служащими, установлением 24-часового рабочего дня во многих организациях для их максимально продуктивного функционирования, мы увидим, что втягивание человека в систему манипулирования и контроля со стороны общества становится более жестким. Производство требует постоянно занятого человека, который с необходимостью потребляет материальные и духовные блага, развивает себя и создает новые продукты, главным из которых является он сам.

Интересно, что даже практика безлимитного и дистанционного предоставления услуг также направлена на эксплуатацию личности в качестве потребителя, для которого отсутствие временных разрывов в структуре повседневной деятельности позволяет избежать ощущения скуки. Человеку больше не нужно выжидать интервал в работе разных организаций и ориентироваться на их пространственную удаленность, пытаясь синхронизировать свой режим работы/отдыха с социальными институтами и различными службами, предоставляющими услуги. Он может быть постоянно активен, переходя от одного вида деятельности к другому и минимизируя перерыв в занятости. Таким образом, общество стимулирует индивида вместить как можно больше событий в ограниченные временные рамки. Представляется

возможным говорить о новой форме дисциплинирования индивида посредством разного рода манипуляций со временем. Такая форма биополитического воздействия на человека более изощрена и позволяет не только следить за временем, затраченным на те или иные виды деятельности, но и включать индивидов в непрерывный процесс производства за счет популяризации идей эффективности профессиональной занятости и максимизации полезной деятельности, направленной на самореализацию личности. Широкое распространение получают идеи тайм-менеджмента, позволяющие человеку облегчить опыт распоряжения временем и выработать умение обращаться со временем.

Важно указать здесь и на тот факт, что вследствие непрерывных социальных и технологических изменений, меняется соотношение прошлого, настоящего и будущего в восприятии личности. В такой ситуации трансформируется восприятие повседневности, будущее, являясь иллюзорным и непредсказуемым, всё меньше интересует человека. То, что нельзя прогнозировать, не заслуживает рефлексии, а потому индивид заостряет внимание на самом себе в настоящем и на своих сиюминутных переживаниях. Отвечая на вопрос «кто я?», субъект ориентируется на настоящее в попытке ухватиться за нечто постоянное в изменяющейся повседневности. Непредсказуемость будущего и риски, связанные с неопределенностью опыта человека в перспективе его существования, способствуют забвению этого будущего. Ориентация на настоящее и на возможности, связанные с переживанием и наполнением этого настоящего смыслом и событиями, ведет к ощущению вневременности повседневности и восприятию своей жизни как бесконечной. Подобная иллюзия вневременности оказывает на современного человека пагубное влияние. Ощущение, что жизнь бесконечна, позволяет думать, что смерти нет, а значит, уводит человека от восприятия границ собственного существования, лишает личность возможности осмыслить свое бытие в аспекте конечности.

Следующий сюжет в осмыслении изменения в восприятии времени в постсовременности связан с расширенным пребыванием человека в виртуальности, где время становится всё более иллюзорным. Попадая в пространство, где доступ к настоящему и прошлому осуществляется мгновенно, человек за счет обратимости времени в виртуальной реальности может возвращаться к ранее реализованным практикам, воспроизводить ощущения и проживать заново определенные моменты этой виртуальности.

Изменяется и понимание событийности в виртуальной реальности. Высокая скорость передачи и обработки информации отрывает факты от контекста, возводя их в ранг виртуального факта – симулякра,

изолированного от реальности. Обращая внимание на события в новостной ленте, мы зачастую не успеваем зафиксировать в сознании время и место происшествия. Для нас важным становится факт произошедшего и эмоции, которые мы испытываем при его восприятии. Событием является не только фактически произошедшее, сколько текст, помещенный в искусственную систему «место/действие/время». Интересно, что эта традиционная для понимания хронотопа система качественно меняется в виртуальном пространстве. Формирование события в информационном пространстве предполагает возможность его существования не зависимо от изначальных условий возникновения, от места и длительности функционирования в качестве информационного факта. Таким образом, сообщение о событии достаточно для восприятия этого события как реально существующего. А искусственное помещение события в определенные пространственно-временные рамки позволяет наделить виртуальность необходимыми смыслами.

Расширение виртуального взаимодействия иницирует обращение со временем посредством нарратива. Рассказ о событии позволяет сформировать это самое событие, вычленив его из темпорально недифференцированной плоскости и зафиксировав во времени. Нарратив осуществляется во временных рамках, а, следовательно, заново конструируется во времени, приобретая новый бытийный статус. Таким образом, если историчность события обусловлена его значимостью, то аналогично реализуется здесь обратная логика, – будучи зафиксированным во времени, событие приобретает значение. Нарратив становится способом конструирования значимого события. В рассказе формируется не только фактическая линия, но и придается ценность тем событиям, о которых ведется рассказ. Недаром так популярны сегодня блоги, в которых человек не просто повествует о чем-то, но вплетая в единую ткань рассказа разрозненные события, оформляет их как взаимосвязанные в аспекте определенных временных границ существования, значимые и имеющие смысл.

В рамках указанной темы следует обратить внимание на понятие личного времени, связанного с персонализацией повседневности. Индивидуальный доступ к информации, точный расчет временных ресурсов в соответствии с индивидуальными предпочтениями и гибким графиком, фрагментация социального пространства приводят к асинхронной связи с другими. Взаимодействие больше не предполагает одновременности коллективного опыта. Более того, паттерны взаимодействия становятся всё более фрагментарными и формируются исходя из стратегий индивидуального существования. Именно в данной связи категория «свободное время» заменяется категорией «личное время», значение которой сводится

ко времени, используемому для себя, по своему усмотрению. Приоритетным становится не досуг как таковой (возможность иметь время, свободное от работы, абстрактный период отдыха, граничащего со скукой и бессмысленной тратой времени), а свобода распоряжаться своим временем, своим личным капиталом, быть активным. Акцент на личное время еще более «усугубляет» индивидуализм, поскольку эстетизирует индивидуализированные практики как возможность планировать свое время. Неравенство в доступе к информации, о котором много писали теоретики постиндустриализма, дополняется сегодня неравным отношением ко времени. Возможность и способность точно рассчитать свое время, свои ресурсы, включить в свое расписание незапланированные события, спонтанно перепланировать свой день – всё это становится важными характеристиками образа жизни личности и ее статуса. Отсюда вытекает и принцип этической нейтральности в оценке поступков личности, и ощущения избранности и превосходства индивида над теми, кому границы времени неподвластны. Индивидуальный опыт людей, имеющих возможность распоряжаться своим временем, сводится к выстраиванию собственной стратегии существования, постановке и решению задачи самоопределения.

Конечно, негативным следствием подобной персонализации и десинхронизации коллективного опыта является отсутствие доверия и взаимной ответственности между индивидами, «когда Я – единственное, что поддается улучшению, в коллективном действии выгоды нет», – цитирует З. Бауман С. Фрезера [5, с. 118]. Замкнутость в своем времени оборачивается замкнутостью в социальном пространстве, поскольку, живя в своем времени, живя для себя, мы не пересекаемся с Другим. Последний может выступать лишь как помеха моему эффективному использованию временных ресурсов.

Замыкание личности в собственных пространственно-временных координатах стимулируется обществом, предоставляющим большое количество «персонализирующих» услуг, необходимых для вышеупомянутой личной и профессиональной эффективности. Гибкий график работы стимулируется возможностью отдыха (независимые и краткосрочные путешествия), питания в индивидуальном формате (так называемый грейзинг сегодня вызывает массу обсуждений, как атомизирующий индивидов и способствующий распадению социальных связей) и пр. Всё это позволяет жить для себя, не синхронизируя свой стиль существования с другими людьми.

Однако параллельно мы видим расширение пространства коммуникации за счет увеличения времени общения с Другим. Как соотносить между собой эти процессы?

Мгновенный доступ через мобильные устройства, возможность инклюзии в различные практики индивидов, минуя прежние физические ограничения, включение Другого в мое повседневное пространство за счет предоставления доступа к персональным данным, аудио- и видеoinформации обо мне – не является ли это свидетельством синхронизации опыта индивидов и увеличения их участия в моем личном времени? Данные вопросы закономерны. Действительно, коммуникация расширяется, и при должном участии индивидов прежние пространственно-временные ограничения снимаются, что благотворно влияет на социум, способствуя появлению различных сообществ. Но здесь возникает опасность обратной реакции: парасоциальное взаимодействие, симуляции смысла межличностного общения. Расширение коммуникации за счет снятия временных и пространственных ограничений может как способствовать плодотворному взаимодействию индивидов, так и противодействовать возникновению солидарности между ними. Субъект, ориентируясь только на собственные параметры существования, может по своему желанию быть или не быть «в зоне доступа» другого человека. Кроме того, виртуальное общение позволяет в большей степени контролировать взаимодействие и свои реакции именно за счет их отсрочивания. Возможность избежать общения лицом к лицу и установить интервал в коммуникации, не отвечая сразу, позволяет изменять характер общения за счет продумывания ответа и просчета его возможных последствий.

Время становится основанием стратификации: планирование деятельности зависит не только от мобильности, доступа к информации, но и от восприятия времени, соответствия возможностей тем или иным практикам. Сегодня распространено понятие «медиапоколения», которое позволяет дифференцировать индивидов в зависимости от их когнитивных способностей и ценностных предпочтений, не обращая внимания на их возрастные характеристики. Это сближает людей, снимает ограничения с возможности взаимодействия и потребления.

Интересен еще один эффект, связанный с изменением в восприятии времени, а именно – желание убежать в прошлое, найти там свое пристанище и установить эмоциональную связь с другими людьми.

Эпоха модерна укрепила в сознании большинства стремление к прогрессу и безусловную веру в лучшее будущее, во имя которого многие начинания были оправданы. Однако культура постмодерна и реалии информационного общества поставили эту идею под сомнение. Не только исторические события, дискредитировавшие веру в прогресс, позволили отвернуться от будущего в поисках смысла, но и, как уже было сказано выше, стремительные технологические

преобразования и ускорение темпа общественного развития не позволили придать будущему времени хоть какой-то устойчивый статус. «В конце концов, маятник общественных установок и общественного сознания качнулся в обратную сторону: отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности», – пишет З. Бауман в своей книге «Ретротопия» [5, с. 19]. Идеи ретро по-разному обыгрываются в современной философии, на сегодняшний день помимо понятия «ретротопия» используются такие, как «ретромания» (С. Рейнольдс) [6], «ретроизация» (Э. Гаффи) [7]. Распространение исследований, посвященных возвращению к культуре XIX–XX вв., позволяет задуматься о привлекательности прошлого в глазах представителей самого интенсивно меняющегося и стремительно развивающегося постсовременного общества. Восприятие слитности прошлого и настоящего, возможность схватить их в информационном пространстве и переосмыслить, иллюзорность будущего, воспринимаемого как рискованное и неопределенное, инициирует фиксацию на настоящем и прошлом. Но является ли подобное тяготение только лишь возвратом к идеализируемому прошлому как золотому веку?

На самом деле, характерное для нашего времени стремление к манифестации значимости былого, осуществляется не путем простого копирования и идеализации, а на основе признания незавершенности прошлых устремлений и необходимости реализовать, усовершенствовать сформулированные в прошлом идеи. Что касается прошлого, то, действительно, оно интересует людей в большей степени как нечто устойчивое, знакомое и обжитое. «Настоящее становится для тебя чужой страной», – пишет С. Рейнольдс [6], тогда как прошлое ассоциируется с глубоко личностными переживаниями, символами близкого, родного и имеющего смысл. Нуждаясь в смысле, человек находит его в прошлом, поскольку связать смысл с будущим и неопределенностью гораздо сложнее и возможно только в рамках утопий или идеологий, которые на сегодняшний день слабо развиты ввиду распада этой самой социальности.

З. Бауман называет ностальгию «глобальной эпидемией и безнадежным состоянием современности» [5, с. 16], а ретротопию – «защитным механизмом от стремительных изменений» [там же]. Интересно замечание Э. Гаффи о том, что ретроизации подвержены именно XX в. – эпоха веры в прогресс науки и техники. Она интерпретирует стиль ретро только как обыгрывание недавнего прошлого. По ее мнению, людей настоящего в недалеком прошлом притягивает

именно оптимистичный взгляд в будущее и надежды, связанные с ним, тогда как для постсовременности характерны лишь апатия и страх перед рискованным грядущим [7].

Интересна точка зрения С. Бойм, исследование которой посвящено феномену ностальгии в России. Конечно, личная заинтересованность не позволяет ей увидеть те же характерные черты возврата к прошлому в других странах. Но то, что она пишет о российском стремлении к обретению дома и попытке приукрасить воспоминания, мы можем найти у многих авторов. Так, ссылаясь на У. Эко, исследовавшего феномен антимнемоники, С. Бойм указывает на присущее российскому менталитету искусство забвения, ориентированное на «создание активных псевдовоспоминаний» [8, с. 268], выхолащивающих из коллективной памяти неудобные и постыдные моменты. Понятно, что эта черта не только отечественного коллективного сознания, многим народам сегодня присуще это стремление к воссозданию символического дома, сближающего нас с Другими именно вследствие наличия в прошлом общей веры в будущее и общих традиций и смыслов в настоящем. Кроме того, С. Бойм аналогично другим исследователям феномена ретро, приписывает ему именно временные характеристики: «Вернувшись в Ленинград после десяти лет отсутствия ... мне не хватало того медленного течения времени, которое преследовало нас в 1970-е, времени бесконечных разговоров и прогулок по скользкому асфальту, дававших возможность мечтать о другой, непредсказуемой жизни, политической и личной. Ностальгия не о пространстве, она о времени, и не только прошлом, но и о несбывшемся будущем» [там же, с. 303].

Идеализация направлена не только на прошлое, но и на настоящее, в стремлении его расширить и зафиксировать. Это проявляется в попытке остановить время, затормозить изменения и застрять в настоящем. «Люди больше не взрослеют», – пишет О. Марквард [9], иллюстрируя состояние постсовременности как страх перед будущим. «Близкое устаревает всё быстрее, и мир будущий будет всё радикальнее отличаться от известного нам по опыту мира прошлого, для нас – современных людей – мир становится чужим, а мы становимся чуждыми миру» [там же]. Понятие риска, как указывал еще У. Бек в «Обществе риска», связано с будущим. И это будущее настолько неопределенно и сложно прогнозируемо, что человеку гораздо легче в планировании своей жизни исходить из настоящего, а порой и из ставших утопичными надежд на будущее, распространенных в прошлом. Синдром отложенного взросления, социальный инфантилизм, созависимость – вот примеры того, как человек цепляется за возможность избежать рискованного поиска смысла своего существования.

Патологическое стремление участвовать в жизни других, довольствуясь их смыслами и целями, избегание соответствующих возрасту проблем и желание остаться молодым – всё это попытки укрепиться в настоящем и избежать возможных изменений, требующих нового взгляда на свое Я и смысл своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике* / М. М. Бахтин // *Вопросы литературы и эстетики*. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 234–407.

2. Мертон Р. *Социальное время : опыт методологического и функционального анализа* / Р. Мертон, П. Соркин. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1686042291&tld=ru&lang=ru&name=sorokin_sotsialnoe.pdf

Воронежский государственный университет

Тихонова И. Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru

3. Урри Дж. *Социология за пределами обществ : виды мобильности для XXI столетия* / Дж. Урри. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 336 с.

4. Люббе Г. *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем* / Г. Люббе. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 456 с.

5. Бауман З. *Ретротопия* / З. Бауман. – М. : ВЦИОМ, 2019. – 160 с.

6. Рейнольдс С. *Ретромания : поп-культура в плену собственного прошлого* / С. Рейнольдс. – М. : Белое Яблоко, 2015. – 528 с.

7. Guffey E. *Retro : the Culture of Revival* / E. Guffey. – London : Reaktion Books, 2006. – 188 p.

8. Бойм С. *Общие места : мифология повседневной жизни* / С. Бойм. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 320 с.

9. Марквард О. *Эпоха чуждости миру?* / О. Марквард // *Отечественные записки*. – 2003. – № 6.

Voronezh State University

Tikhonova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru